

Секция «Журналистика»

Модель поведения Андрея Платонова

Поддубцев Руслан Александрович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет

журналистики, Москва, Россия

E-mail: poddubtsev@gmail.com

В фундаментальном труде «Смех как мировоззрение» Д. Лихачев заметил, что художественный текст является общественным поступком, поскольку он изменяет расстановку сил на литературной арене. Развивая эту мысль, исследователь соотнес индивидуальный стиль писателя с его поведением: «Во-первых, в стиле может быть открыто поведенческое начало, стиль может рассматриваться как особого рода поведение писателя – “поведение в письме”. Во-вторых, стиль может рассматриваться как отражение реального поведения человека, как нечто неотделимое от поведения писателя в жизни, как проявление единства его натуры и его деятельности» [4. С. 25-26]. Когда речь заходит о советской России 1920-1940-х годов, особую актуальность приобретает второй аспект.

В те времена людям, работавшим со словом, сложно было сохранять политический нейтралитет. Все дело в природе тоталитарной культуры. Е. Добренко убедительно показал, что соцреализм (канонизированное большевистской властью экстремистское эстетическое направление) есть «не сумма текстов, но преобразующая реальность сумма дискурсивных практик, продуктом которых является “реальный социализм”» [2. С. 30]. Действительность и литература переплелись. Следовательно, выбирая манеру письма (решающее значение имело сходство с условным эталоном), советский автор неизбежно выбирал определенную манеру поведения. Ему приходилось косвенно выражать свое отношение к партии и к ее вождю. Единицы сумели разрешить дилемму: за или против.

Среди них – Андрей Платонов. На творческом вечере в 1932 году он смело заявил: «Я себя не признавал сатириком и не старался им быть. Я искал возможности быть политическим писателем» [1. С. 300]. Это заявление парадоксально только на первый взгляд. Платонова и правда нельзя назвать сатириком, если оценивать его сочинения в отрыве от контекста эпохи. Стилистика прозы писателя носит гротескный, игровой характер и наводит на мысли о шутливости. Шут по законам жанра находится не только вне политики, но и за пределами официальной культуры. Если же вспомнить о существовании соцреалистического канона (устойчивого набора идеологических штампов), обнаружится поразительная точность фразы, произнесенной Платоновым. Коммуникативная стратегия сталинизма «основывалась на текстуализации власти», а марксизм-ленинизм, в сущности, «выполнял функцию священных текстов» [6. С. 203-204]. В подобной ситуации всякая деформация «культового» языка равносильна кощунству. Амбивалентная пародия превращается в сатиру, художник – в политика, колпак шута – в рубище блаженного. Когда религиозное «юрродство, многие столетия заменявшее мученичество, было опять им вытеснено» [3. С. 327], Платонов взял на себя роль юродивого от словесности. Он одновременно походил на верноподданного и на оппозиционера, не являясь, однако, ни тем, ни другим. Это обстоятельство не вызывает удивления. Ведь поведение чудаковатого подвижника традиционно связано «с глубоким анархическим отрицанием

всего строя общественного бытия людей...» [5. С. 163]. Сатира Платонова нацелена не на тоталитарный режим, а на ложь и несправедливость в их наиболее общем виде.

Длинный ряд фактов платоновской биографии свидетельствует о том, что писатель выбрал именно юродскую модель поведения. Первое: юродивый всегда одинок. Платонов не принадлежал ни к какому литературному лагерю и скептически относился к коллективному творчеству. Он подчеркивал: «Я не могу работать ни с кем» [1. С. 302]. Второе: юродство несовместимо с искусством. В одной из анкет Платонов декларировал: «В эпоху устройства социализма “чистым” писателем быть нельзя. Нужно получить политехническое образование и броситься в гущу республики. Искусство найдет себе время родиться в свободные выходные часы» [1. С. 287]. Третье: юродивый не посягает на социальный порядок. Да, Платонов – политик, но не бунтарь и не лидер. Он никогда не пытался повести кого-либо за собой. Писатель признавался: «Я им (молодым авторам из своего окружения. – Р. П.) говорил, что я сам ученик и нельзя быть учеником ученика» [1. С. 308]. Четвертое: юродство, как правило, не обходится без провокации и агрессии. Платонов – задиристый критик. Его отзывы полны резких формулировок, даже ругательств. Кроме того, он отвечал на уколы других рецензентов. Например, в статье «Возражение без самозащиты» есть такой саркастичный пассаж: «Критический метод Гурвича крайне вульгарен и пошл. Это метод самоучки, но без наивной трогательности самоучек, – наоборот, этот метод заранее “научно” обдуман и, по мнению его автора, безошибочен: вздор также, несомненно, поддается обдумыванию и планированию» [1. С. 414]. Пятое: юродивый находится в тесных отношениях с властями предрержащими. Анализ повести «Впрок» показал, что Платонов внимательно следил за газетными выступлениями Сталина, а тот в свою очередь читал Платонова (знак признания в текстоцентричном обществе). Шестое: юродивые и персонажи фольклора пользуются одними и теми же приемами. Платонов любил народное творчество и занимался переложением сказок. Более того, поздние вещи писателя известной лаконичностью и дидактичностью напоминают фольклорные произведения. Наконец, последнее: юродивому нельзя дать ясную характеристику (святой или сумасшедший), пока он жив. Многогранное наследие Платонова было адекватно воспринято лишь после его смерти.

Автор книги «Блаженные похабы» С. Иванов усматривает подоплеку социалистического переворота 1917 года в извечной «ориентации русской культуры на Абсолют, скрывающийся за обманчивым фасадом реальности» [3. С. 329]. Действительно, рядовые революционеры подчас руководствовались своеобразным религиозным чувством. Платонов это хорошо понимал. Его литературное юродство также стало закономерным продолжением древней традиции.

Литература

1. Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. Сборник. М.: Современный писатель, 1994.
2. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
3. Иванов С. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005.

4. Лихачев Д., Панченко А., Понырко Н. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.
5. Лотман Ю., Успенский Б. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148-166.
6. Dobrenko E., Levchin S. Platonov and Stalin: Dialogues in Double Dutch // Ulbandus Review. Vol. 14. P. 202-215.